
УДК 81'36 : 81'42

ББК 81.02

В 67

Волкова Р.А.

Преподаватель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: volkoff-83@mail.ru

**Текстообразующие функции эмоционально-экспрессивных
частиц в языке прозы Э.М. Ремарка:**

доминантность, когнитивность, прагматичность

(Рецензирована)

Аннотация:

На материале языка художественной прозы Э.М. Ремарка рассматривается текстообразующая специфика эмоционально-экспрессивных частиц *doch* и *ja*, обладающих способностью к соотносению смысла конкретного художественного текста с константами индивидуально-авторского мировидения и участвующих в реализации стилистических функций в диалогических построениях. Устанавливается, что текстообразующая функция этих частиц опирается на их способность модифицировать, трансформировать основное значение высказывания в процессе речевой реализации.

Ключевые слова:

Текстообразующая функция, эмоционально-экспрессивные частицы, лингвостатистический анализ, иллокуция высказывания.

Volkova R.A.

Lecturer of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, e-mail: volkoff-83@mail.ru

**Text-forming functions of emotional - expressive particles in the
language of E.M. Remarque's prose:**

dominance, cognitivity and pragmatism

Abstract:

We used the material of the language of E.M. Remarque's fiction to examine text-forming specifics of emotional - expressive particles of *doch* and *ja*, correlating sense of a particular literary text with the author's opinion and participating in the realization of the stylistic features in dialogic constructions. It is inferred that the text-forming function of these particles relies on their ability to modify and transform the major meaning of the statement in the course of speech.

Keywords:

Text-forming function, emotional - expressive particles, lingual-statistical analysis, illocution of statement.

Любой текст, как известно, обладает информативностью, но и связанностью, то есть все его компоненты семантически связаны между собой и со-

отнесены с общим содержанием. Ярким подтверждением тому могут служить романы Э.М. Ремарка, языковая ткань которых представляет собой тесное сплетение монологической и диалогической речи, эмоционально окрашенной и обладающей большими выразительными и оценочными возможностями, благодаря наличию в ней фонетически, словообразовательно, лексически, грамматически и синтаксически видоизмененных единиц [1: 2], в том числе и такой категории служебных слов, как модальные и эмоционально-экспрессивные частицы, которые характеризуются достаточно сильным экспрессивным потенциалом.

Роль эмоционально-экспрессивных частиц в текстах романов многопланова: они способствуют прояснению иллюкутивного характера коммуникативной функции высказывания, связывают его с целым контекстом и модифицируют речевой акт, способствуют процессу восприятия слушающим, соотносят высказывание и речевой акт с условиями интеракции и сводят к минимуму число иллюкуций, возможных для высказывания без их участия.

Исследования функционального аспекта этой категории служебных слов в романах Э.М. Ремарка позволяют говорить не только о широких функциональных возможностях этих единиц, их своеобразном использовании, но и об индивидуальном «почерке» писателя, воплотившемся в выработке новых приемов использования языковых средств, которые определили их строгий отбор [3] и экспрессивное равновесие в тексте.

Как известно, «поведение» того или иного неизменяемого слова в составе предложения обусловлено, в свою очередь, поведением самого предложения в составе более сложного синтаксического целого. Задача писателя состоит в актуализации широкого комплекса вербализированных и невербализированных знаний об окружающем мире, включая опреде-

ленную систему ценностей, к которой он и отсылает своих читателей [4]. Именно в этом и кроется мастерство настоящего художника слова, который путем умелого создания организации синтаксических конструкций и их творческого оформления (в том числе и эмоционально-экспрессивными частицами) доставляет читателю огромное эстетическое удовольствие, раскрывает свой замысел и в мельчайших подробностях представляет объект изображения, поскольку вся его структура подчинена выражению дополнительной, экспрессивной объективации эмоций автора и его героев.

Ограниченный объем статьи не позволяет представить функциональный аспект всех эмоционально-экспрессивных частиц немецкого языка (*aber, auch, blo□, denn, doch, eben, eigentlich, einfach, etwa, halt, ja, mal (einmal), nur, schon, vielleicht, wohl*), поэтому в нашем исследовании на базе художественных текстов девяти романов Э.М. Ремарка лингвистическому анализу подвергаются лишь две наиболее частотные частицы *doch* и *ja*, роль которых в художественном тексте заключается не только в экспликации отношений коммуникативного плана, но и в формировании авторской модели действительности.

Представленные в Таблице 1 результаты лингвостатистического анализа позволяют наглядно отразить как количественный объем, так и частотность их употребления в повествовательных, вопросительных и побудительных предложениях в текстах романов. Так, частица *doch*, отличающаяся самой высокой употребительностью в прозе писателя [5], в романе «Три товарища» встречается 238 раз, а в романе «На Западном фронте без перемен» представлена всего лишь 48 единицами. Объем данной категории служебных слов, представленных в 9 романах писателя (2065), распределяется следующим образом: 1581 или 76 %, приходится на *повествовательные* предложения, 154, или 7,4 %, – на *вопросительные*

и 330, или 16,6 % от общего количества – на *побудительные* предложения.

Результаты лингвостатистических подсчетов частотности употребления данных частиц в разных типах предложений свидетельствуют о том, что именно повествовательные предложения в художественной прозе Э.М.Ремарка выступают ключевым синтактико-прагматическим

контекстом их функционирования. Ведущее место по частотности употребления занимает в них эмоционально-экспрессивная частица *doch* (918 единиц, или 44,4 %). Следует отметить, что большая частотность употребления данной частицы в художественных текстах многих произведений отмечается и лексикографическими данными [6, 7, 8, 9].

Таблица 1

Частотность употребления эмоционально-экспрессивных частиц *doch, ja* в художественных текстах романов Э.М. Ремарка

Частица	Количество			Всего
	Повествовательные предложения	Вопросительные предложения	Побудительные предложения	
<i>doch</i>	918	126	232	1276
<i>ja</i>	663	28	98	789
всего	1581	154	330	2065

Следует отметить, что особой частотностью употребления данной частицы отличаются тексты романов «Три товарища» / «Drei Kameraden» – 196 единиц, или 58,3 %, «Тени в раю» / «Schatten im Paradies» – 149 единиц, или 68,3 %, и «Время жить и время умирать» / «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» – 110 единиц, или 57 % от общего корпуса (1276) повествовательных предложений. Высокая степень ее употребления объясняется, по-видимому, необходимостью не только соотнесения высказывания, в котором она употребляется, с предшествующим, но и установления аргументативной связи между ними. Картошка предложений с данной частицей содержит также значительное число примеров, в которых её присутствие связано с выполнением функции уточнения иллюстрации. В романах «Три товарища» / «Drei Kameraden» и «Тени в раю» / «Schatten im Paradies» представлены примеры, в которых частица *doch* указывает на несоответствие ожидаемого и действительного и способствует развитию межличностных отношений или установлению согла-

сия между коммуникантами.

По нашим наблюдениям, процентный показатель ее присутствия в *вопросительных* конструкциях, по сравнению с повествовательными, значительно ниже и составляет 126 единиц, или 6,1 % от общего корпуса примеров в текстах романов. Значительная дифференциация может быть обоснована тем, что вопросительные предложения, вследствие их целевой установки на извлечение информации, выступают как первый компонент сочетания реплик в диалоге. Наличие в художественном тексте вопросительных предложений обусловлено необходимостью привлечения внимания читателя, пробуждения его интереса и побуждения к размышлению над представленной информацией, а также создания атмосферы непринужденного общения с адресатом, что, несомненно, должно положительно отразиться на перлокутивном результате.

Лингвостатистический анализ художественных текстов романов свидетельствует о том, что *побудительные* предложения с самым широким спек-

тром значений (большой частью в диалоге) составляют внушительный объем. Способы выражения побудительности самые разные и употребляются как для привлечения внимания читателя, так и создания эмоциональности и образных живых картин экспрессивности. Функциональный анализ частицы *doch* в побудительных предложениях свидетельствует о том, что ее присутствие в диалогических высказываниях связано с усилением эмоциональной окрашенности высказывания и реализацией важных иллокутивных намерений говорящего, которые позволяют ему активно воздействовать на ход речевой коммуникации и достигать желаемых прагматических результатов.

Эмоционально-экспрессивная частица *ja* занимает не только по данным лексикографических справочников [6, 7, 8, 9] второе место после *doch* по частотности употребления в художественных текстах, но и по данным результатов проведенного нами лингвостатистического анализа в прозе Э.М. Ремарка. Индекс частотности ее употребления составляет 789 единиц, или 38,2 % от общего количества (2065). Данная частица зафиксирована во всех прагматических типах высказываний, тем не менее, ее частотность употребления в повествовательных предложениях составляет 663 единицы, или 84 %, в вопросительных – 28, или 3,6 %, а в побудительных – 98, или 12,4 % от общего числа (789). Количественная разница ее присутствия в повествовательных предложениях во всех 9 романах довольно значительна и колеблется от 140 («Три товарища» / «Drei Kameraden») до 22 единиц («Ночь в Лиссабоне» / «Die Nacht von Lissabon»). Такого рода дифференциация обусловлена, по нашему мнению, ее функциональной особенностью. Использование данной частицы в романах диктуется спецификой событий и эмоциональной атмосферы, представляемых писателем. Она способна указать в предложении на определенную известность, очевид-

ность сообщаемого факта, реализовать функцию обращения к адресату с учетом его позиции и апеллировать к его согласию. Ее употребление в высказывании позволяет говорящему перевести внимание партнера на главный элемент, имплицитный семантическую нагрузку в сложившейся коммуникативной ситуации.

Небольшое количество примеров употребления частицы *ja* в вопросительных предложениях (28 примеров, или 3,6 % от общего ее количества в текстах 9 романов) связано с пресуппозициями коммуникантов. Эксплицируя свое высказывание, говорящий стремится получить необходимую для него информацию, но утвердительный или отрицательный ответы заложены лишь в ответе второго коммуниканта. Такое положение приводит к потере частицей объективной базы для реализации присущей ей способности утверждения.

Наглядно ее присутствие в побудительных предложениях (98 единиц, или 12,4%). Отобранные примеры свидетельствуют о том, что употребление данной частицы характерно для тех случаев, когда говорящий открывает что-то новое и неожиданное для себя и, как следствие, эксплицирует в подобного рода эмоциональных высказываниях свою реакцию в виде негодования, радости, удивления и т.п.

Результаты проведенного нами лингвостатистического анализа позволяют отметить, что употребление эмоционально-экспрессивных частиц в художественных текстах Э.М. Ремарка неразрывно связано с прагматической стороной общения и отражает особенности функционирования национального языка. Эта категория служебных слов способна придавать различные семантические оттенки как отдельным репликам, высказываниям или контекстам, так и выполнять текстообразующую функцию. Высказывания с данными частицами инкорпорируют не только темперамент и мнение писателя, но и способствуют формированию взглядов читателей. Практически каж-

дая частица в текстах романов способна участвовать в каждом отдельном случае употребления в реализации не одной, а нескольких функций. Практически все эмоционально-экспрессивные частицы (*aber, auch, bloß, denn, doch, eben, eigentlich, einfach, etwa, halt, ja, mal (einmal), nur, schon, vielleicht, wohl*), а особенно самые частотные из них (*doch, ja, schon, mal (einmal), denn, auch, nur*) демонстрируют в романах Э.М. Ремарка постоянную готовность не только к соотносению ситуации, эксплицируемой в высказываниях, с нормой, но и к ее оценке.

В текстах русских переводов романов Э.М. Ремарка наблюдаются несколько иные механизмы репрезентации эмоционально-экспрессивного фона диалогических высказываний. Так, переводчики при передаче авторской картины мира, учитывая различия грамматических, лексико-фразеологических, словообразовательно-деривационных аспектов русского и немецкого языков, используют следующие переводческие трансформации: 1) опущения эмоционально-экспрессивных частиц, 2) замена частиц языковыми единицами других функциональных классов слов, 3) замещение частиц суперсегментными единицами языка и другие. Определяющими факторами функциональных расхождений можно считать, с одной стороны, порядок слов, который в обоих языках может выполнять две основные функции: формально-грамматическую и семантико-стилистическую. Отличие заключается также в различной роли этих функций в обоих языках. Например, в русском языке, как известно, основной функцией порядка слов является функция семантико-стилистическая. Это вызвано тем, что порядок слов в русском языке является свободным. В немецком языке обе функции играют несколько отличную роль: места сказуемого и определения выполняют преимущественно структурно-грамматическую функцию, а

места подлежащего, дополнения, обстоятельства – преимущественно семантико-стилистическую. С другой стороны, среди явлений, характеризующих порядок слов в немецком языке, особое место занимает рамочная конструкция, благодаря которой возникает четкая структура предложения, но возможность выражения эмотивных оттенков без привлечения дополнительных экспликаторов, в том числе и эмоционально-экспрессивных частиц, в таких предложениях сводится к нулю. Русскому языку рамочная конструкция не свойственна, поскольку структура предложения более гибкая, что позволяет представлять эмотивный аспект без привлечения дополнительных экспликаторов. Более того, важную роль в русском языке в отличие от немецкого играет и такая особенность как нефиксированная позиция подлежащего и сказуемого при прямом и обратном порядке слов.

Наличие в русском языке многообразия уменьшительно-ласкательных, пренебрежительно-уменьшительных и увеличительных суффиксов также позволяет достаточно тонко выражать широкую гамму эмотивных оттенков.

В немецком языке лишь суффиксы *-chen* и *-lein* образуют от основ существительных диминутивы среднего рода не только с реальным значением уменьшительности, но также с субъективно-эмоциональными оттенками ласкательности. Суффиксы увеличительные отсутствуют полностью. Таким образом, русский язык отличается от немецкого широтой распространения суффиксов субъективной оценки, их многообразием, дифференцированностью системы суффиксации, создающей возможность для выражения различных смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков.

Основная роль в словообразовании в немецком языке отводится не аффиксации, а словосложению. Словоопределитель может выражаться основами, соотносящимися с различными ча-

стями речи: существительным, прилагательным, наречием, числительным, глаголом. При этом двустороннее взаимовлияние простых слов сводит их эмотивный потенциал часто до нуля, который приходится компенсировать употреблением дополнительных лексем [10].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что слово в немецком языке характеризуется ограниченной самостоятельностью и опирается в своем функционировании и оформлении на синтаксические средства: словосочетания, порядок слов. В русском языке богатство и разнообразие синтетических средств ведет к его синтаксической самостоятельности в предложении, что связано с большей гибкостью и свободой в построении предложения.

Данные факторы позволяют объ-

яснить причины такого широкого использования эмоционально-экспрессивных частиц в немецком языке именно в повествовательных предложениях (а не в вопросительных и побудительных), что абсолютно не характерно для русского языка.

Таким образом, текстообразующая функция эмоционально-экспрессивных частиц опирается на их способность модифицировать, трансформировать основное значение высказывания в процессе речевой реализации, т.е. в процессе создания текста. Количественная дифференциация в распределении частиц в зависимости от коммуникативного типа предложения в немецких текстах и их переводах указывает на специфику текстообразующего потенциала эмоционально-экспрессивных частиц в обоих языках.

Примечания:

1. Нечай Ю.П. Языковые средства и способы экспликации модальной оценки (на материале языка романа Э. Войнич «Овод») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 267-272.
2. Нечай Ю.П., Губенко Н.В. Экспрессивность утверждения-отрицания: языковые средства выражения в художественном тексте. BRD: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 208 с.
3. Муминов В.И. Стилистические функции частиц в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Южно-Сахалинск, 2011. 240 с.
4. Нечай Ю.П., Буянова Л.Ю. Язык как ментально-семиотический код: эмотивность, эмоциогенность, концептуальность. BRD: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 309 с.
5. Волкова Р.А., Нечай Ю.П. Семантика и функции эмоционально-экспрессивной частицы *doch* в художественном тексте (на материале языка прозы Э.М. Ремарка и ее переводов на русский язык) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 124-130.
6. Bastert U. Modalpartikel und Lexikographie. Eine exemplarische Studie zur Darstellbarkeit von *doch* im einsprachigen Wörterbuch. Tübingen, 1985. 150 S.
7. Burckhardt A. Der Gebrauch der Partikeln im gesprochenen Deutsch und im gesprochenen Italienisch // Tübinger Beiträge zur Linguistik. Tübingen, 1989. № 252. S. 15-28.
8. Ruoff A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache. Tübingen, 1990. 879 S.
9. Weydt H. Abtönungspartikeln. Die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen. Berlin; Zürich, 1969. 68 S.
10. Анохина О.А., Кострова С.П. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 2012. 208 с.

References:

11. Nechay Yu.P. Linguistic means and ways of explication of modal evaluation (based on the language of E.Voynich's novel «Gadfly») // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 1. P. 267-272.
12. Nechay Yu.P., Gubenko N.V. Expressivity of the negative statement: linguistic means of expression in a literary text. BRD: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 208 pp.
13. Muminov V.I. Stylistic functions of particles in F.M. Dostoevsky's novel «Idiot». Yuzhno-Sakhalinsk, 2011. 240 pp.
14. Nechay Yu.P., Buyanova L.Yu. Language as mental and semiotics code: emotivnost, emotsiogennost, conceptuality. BRD: LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 309 pp.
15. Volkova R.A., Nechay Yu.P. Semantics and functions of an emotional and expressive particle doch in a literary text (based on the language of E.M. Remarque's prose and its translations into Russian) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 2. P. 124-130.
16. Bastert U. Modalpartikel und Lexikographie. Eine exemplarische Studie zur Darstellbarkeit von doch im einsprachigen Wörterbuch. Tübingen, 1985. 150 S.
17. Burckhardt A. Der Gebrauch der Partikeln im gesprochenen Deutsch und im gesprochenen Italienisch // Tübinger Beiträge zur Linguistik. Tübingen, 1989. No. 252. S. 15-28 .
18. Ruoff A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache. Tübingen, 1990. 879 S.
19. Weydt H. Abtönungspartikeln. Die deutschen Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen. Berlin; Zürich, 1969. 68 S.
20. Anokhina O.A., Kostrova S.P. Comparative typology of the German and Russian languages. M., 2012. 208 pp.